

Его вдохновляло Священное Писание

Встр. Москва — 1997 — 30 авг. — с. 4

В этом году исполнилось сорок лет со дня смерти Михаила Фабиановича Гнесина, видного теоретика и педагога музыки, талантливого композитора, выдающегося музыкального деятеля. К счастью, имя Гнесина не оказалось забытым благодаря музыкальным учреждениям, созданным им и его сестрами — Еленой, Евгенией и Марией. Разумеется, говорить о Михаиле Фабиановиче Гнесине только как о педагоге и организаторе было бы несправедливо. Сегодня все больше и больше очевидна значимость его как выдающегося композитора: «Песни странствующего рыцаря», «Песнь о древней родине», знаменитая опера «Юность Авраама» и не менее знаменитая сюита «Хора. Пляски галилейских рабочих», цикл «Еврейские песни». В 1926 году по просьбе Мейерхольда он написал оркестровую сюиту «Еврейский оркестр на балу у городничего», а вскоре восхищенный поэмой Иосифа Уткина «Повесть о рыжем Мотэле», пишет на нее

музыку. В годы войны он создает, быть может, самые выдающиеся свои произведения — трио «Памяти наших погибших детей», а в 1945 году фортепианный квартет «Соната-фантазия». Помню, Иван Семенович Козловский, высоко ценивший талант М.Ф. Гнесина, сказал мне: «Как жаль, что Михаил Фабианович так и не завершил свою работу над оперой «Бар-Кохба», которую он писал под впечатлением от одноименного спектакля в театре Михоэлса».

Желание написать эти заметки о Михаиле Гнесине было в значительной мере продиктовано не только круглой датой со дня его смерти, но и книгой Тихона Николаевича Хренникова «Так это было», в которой есть такие слова: «Мысли мои так далеко уходят, когда я вспоминаю о Гнесине и о том, чем я обязан ему в жизни...».

При личной встрече с Т. Н. Хренниковым я поинтересовался, чем именно Тихон Николаевич обязан Михаилу Фабиановичу, и вот что услышал в от-

вет: «В Москву я приехал пятнадцатилетним мальчиком и отправился к Михаилу Фабиановичу. Он принял меня как родного. А Елена Фабиановна, его сестра, отнеслась ко мне, как к сыну. А Елена Фабиановна Гнесина сыграла абсолютно решающую роль в создании того учреждения, которое нынче именуется Академией музыки имени Гнесиных. Я помню, как к Елене Фабиановне приезжал министр культуры Пономаренко и получал от нее буквально не просьбы, а распоряжения».

Сегодня можно рассуждать, как сложилась бы судьба Гнесина, не будь октябрьского переворота 1917 года. Но такое философствование не только иррационально, но и бессмысленно. Можно утверждать другое — Гнесин не стал бы тем выдающимся явлением без Священного Писания, равно как без своих замечательных русских педагогов — Римского-Корсакова, Лядова.

Матвей ГЕЙЗЕР